

В Диссертационный совет ПДС 0900.006,
созданный на базе ФГАОУ ВО
«Российский университет дружбы народов
имени Патриса Лумумбы»
(117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6)

Отзыв

официального оппонента на диссертацию Таджибова Зейнудина Рамазановича «Привлечение в качестве обвиняемого в условиях модернизации российского уголовного судопроизводства» – Москва, 2025. – 174 с., представленную на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Научная специальность 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

Оценивая сущность и содержание, представленной к защите работы, научную новизну и теоретическую значимость ее основных положений, самостоятельность и научно-практическую значимость реализованного исследования, достоверность и эмпирическую верифицируемость его итоговых результатов, считаю, что диссертационное исследование Таджибова Зейнудина Рамазановича в достаточной мере объективирует свойства каждого из указанных требований.

Актуальность реализованного исследования объективно проявляет себя, как в избранном предмете научно-практического анализа, так и в круге тех непосредственных исследовательских задач, которые были поставлены и последовательно решены соискателем в рамках работы над диссертацией.

Приступая к исследованию, З.Р. Таджибов верно и точно расставляет акценты в сути, содержании и социально-нормативном назначении такого институционального, смыслообразующего института уголовного процесса России, как «Институт привлечения в качестве обвиняемого». Как в генезисе становления этого уголовно-процессуального института, так и в системе наличного (исследуемого) уголовного судопроизводства России акты доказывания, формирования, публичного предъявления обвинения, и объективации в этой связи фигуры самого обвиняемого, с тем или иным нормативным наполнением его процессуального статуса, по факту, определяли

ту или иную типологическую форму процесса, степень итоговой его эффективности. Объективируясь как непосредственный предмет, направление, цель и итог всей уголовно-процессуальной деятельности, именно акты формирования и распоряжения обвинением всегда формировали суть и назначение всех основных институтов и норм уголовного судопроизводства России, как отрасли права и отрасли правовой практической деятельности.

И в этом контексте, безусловно, новы, актуальны, теоретически значимы и практически востребованы усилия соискателя, который посредством комплексного сравнительно-правового анализа ставит на обсуждение и последовательно решает актуальные, непосредственные задачи исследования, призванные к необходимой точности и определенности в вопросах:

верного понимания сути и содержания категории «обвинение» в уголовном в том или ином национальном процессе, ее сущностного и содержательного соотношения с категорией «подозрение» и «уголовное преследование», их диалектики и взаимообусловленности в реализуемых правовых отношениях (с. 19-20, 21-22, 25-28, 32-35, 37, 109-110 и др.);

оптимальности наличной процессуальной формы объективации акта привлечения в качестве обвиняемого по нормам главы 23 и нормам статей 226, 226.7 УПК РФ; сути его наиболее острых коллизий в процессе реализации досудебной практической следственной деятельности (с. 40-44);

актуального, максимально объективного сравнительно-правового анализа национальной модели акта привлечения в качестве обвиняемого (с. 47-62) с моделями ведущих систем стран англо-саксонской (с. 80-91, 92-104) и континентальной системы права (с. 65-69, 70-78); в том числе, для целей инкорпорации наиболее продуктивных их элементов и процедур в модернизируемую модель российского процессуального права и деятельности;

оптимальных направлений и средств, призванных к востребованной модернизации следственного акта привлечения в качестве обвиняемого (гл. 23 УПК РФ), который в силу ряда причин ведомственного, субъективного характера, несколько утратил телеологическое свое назначение (с. 130).

Научная новизна результатов исследования и самостоятельность автора в их формировании. Данный критерий представленного к защите исследования объективирует себя посредством ряда взаимосвязанных факторов. Во-первых, соискателем разработана, теоретически обоснована, нормативно представлена к обсуждению и публичной защите авторская модель-концепция нового порядка (процессуальной формы) привлечения лица в качестве обвиняемого, суть и основные концепты которой:

в полном отказе от следственной модели привлечения лица в качестве обвиняемого, нормативно закрепленной посредством предписаний гл. 23 УПК РФ; переход на «прокурорскую» форму предъявления обвинения – как акта привлечения к уголовной ответственности; реального разъяснения его сути обвиняемому; выяснения позиций стороны защиты по сути и формуле данного обвинения (с. 130, 138-141);

в формировании такого порядка уголовного преследования и собственно предварительного расследования по делу, основные акты которого реализуются исключительно в отношении фигуры подозреваемого, процессуальный статус которого в настоящее время, фактически, тождественен статусу обвиняемого и в части предоставленных прав, и в части основных процессуальных гарантий;

в востребованной унификации институциональных, итоговых актов, сформированного (следственного) обвинения, в контексте единого нормативного и фактического их содержания, процессуальной формы итогового оформления, официального именования, как категорий (с. 129-130).

Определенные признаки новизны и самостоятельного вклада диссертанта в развитие науки российского уголовно-процессуального права и приращение нового, актуального научного знания являют также концепты, связанные с новым обоснованием:

сути и категориального понятия обвинения, как структурно и содержательно весьма сложного, комплексного, многопланового правового явления;

основных закономерностей в генезисе становления этой фундаментальной категории уголовно-процессуального права, и порядка публичной объективации в российском уголовном процессе акта явления собственно публичного обвинения – как уголовного притязания-иска;

рациональности использования в уголовном судопроизводстве России наиболее наработанных и эффективных форм формирования и распоряжения обвинением в странах англо-саксонской и континентальной системы права;

надлежащих, точных, телеологически согласованных оснований для законного и обоснованного вынесения акта публичного обвинения, исключающих моменты их субъективной оценки и субъективного истолкования различными (заинтересованными) субъектами процесса.

Кроме указанных акцентов и собственно итоговых положений исследования, предложенных соискателем к публичной защите, в диссертации сформированы и иные, не менее интересные, системные выводы и научные положения, которые, также обладают актуальностью, научной новизной и могут (должны) быть востребованы в ходе насущной модернизации уголовно-процессуального права Российской Федерации. В итоге, как каждый из приведенных концептов, так и их система в целом, на наш взгляд, объективно свидетельствуют о личном и достаточном вкладе соискателя в решение ряда значимых, актуальных, коллизионных проблем уголовного судопроизводства России, как системы права и непосредственно деятельности.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что основные его результаты вносят достаточный (информационный) вклад в развитие науки уголовно-процессуального права России; сформулированные соискателем итоговые положения и выводы направлены на качественное обогащение и развитие теории уголовно-процессуального права. Изложенные в исследовании теоретические положения и итоговые выводы нормативно и содержательно обогащают разделы национального уголовно-процессуального права, посвященные нормативной регламентации актов объективации обвинения, понятия и статуса обвиняемого в уголовном судопроизводстве

России; формирования оптимальной процессуальной форме акта привлечения в качестве обвиняемого; в целом обеспечению прав и законных интересов личности на досудебном этапе.

Основные теоретические (научные) выводы, нормативные предложения, практические рекомендации, обоснованные в работе и представленные к защите, могут быть использованы при реализации новых, перспективных научных исследований по этой тематике; в правотворческой деятельности законодательных органов, призванной к совершенствованию институтов и норм национального уголовно-процессуального права; в текущей правоприменительной деятельности органов публичного уголовного преследования и суда. Они же должны быть востребованы при формировании государственной политики в области уголовного судопроизводства России.

Нет особых замечаний и к **эмпирической части исследования**. Эмпирическая достоверность и верификация авторских выводов и обоснованных итоговых предложений объективно определяется правильно определенной методологией исследования, комплексным системным подходом к изучению анализируемых явлений. Примененная эмпирическая база исследования, в целом верифицируемая, как в количественных, так и в качественных своих показателях, достаточно представлена по тексту работы и при обосновании основных научных положений соискателя.

Достаточна практическая апробация основных результатов исследования. Основные положения и итоговые выводы исследования представлены и апробированы посредством научных статей соискателя, в том числе в рецензируемых научных журналах в изданиях, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации и официальным Перечнем РУДН имени Патриса Лумумбы, докладами и выступлениями на достаточно представительных научно-практических конференциях. Как следствие, нет оснований ставить под сомнение достоверность основных положений работы, их объективность и эмпирическую верифицируемость.

Структура диссертации логично выстроена по принципу от общего к частному, что объективно позволило соискателю исследовать частные вопросы с точки зрения их подчиненности общей цели и непосредственным научным задачам исследования. Полученные выводы и итоговые результаты исследования, на наш взгляд, взаимосвязаны; каждый последующий вывод является логичным продолжением ранее полученных научных результатов. Логической согласованностью характеризуется и система основных научных положений, вынесенных на публичную защиту. Диссертация обладает согласованным стилевым и содержательным единством основных положений, последовательностью изложения материала и итоговых выводов.

Содержание автореферата и опубликованных статей соискателя в достаточной мере отражают суть и содержание реализованного исследования, смысл полученных итоговых результатов, предлагаемых новаций и практических рекомендаций. В итоге, система указанных взаимосвязанных положений позволяет сформулировать итоговый вывод, как о положительной оценке выполненной соискателем работы, так и о ее соответствии требованиям актуальности, самостоятельности, научной новизны, теоретической и практической значимости реализованного исследования.

Вместе с тем, как и всякое новое, интересное, монографическое, по сути, правовое исследование работа З.Р. Таджибова вызывает ряд вопросов и замечаний, которые мы считаем возможным поставить, как на разрешение соискателя, так и на обсуждение в рамках публичной дискуссии:

1. Согласно концепции соискателя, в качестве основного концепта публичной защиты, объективирован тезис о том, что: привлечение лица в качестве обвиняемого должно являться заключительной процедурой предварительного расследования; единственно управомоченным субъектом реализации этого акта указан прокурор (пункт 3 положений к защите; с. 9). Однако в пункте 4 положений к защите автор отстаивает тезис о том, что «...ключевым должностным лицом, **осуществляющим обвинение на всех стадиях** уголовного процесса должен являться прокурор» (с. 9 работы).

Закономерно возникает вопрос: если обвинение объективируется в процессе исключительно актом его предъявления прокурором, и именно в рамках предписаний гл. 30 УПК РФ, как именно, в каких процессуальных формах данный ключевой субъект производства должен осуществлять акты обвинения на таких стадиях процесса, как «возбуждение уголовного дела» и «предварительное расследование», где обвинения, по факту, еще не имеется.

Или категория «обвинение» применительно к положениям пункта 4 положений к публичной защите понимается соискателем в ином смысловом и содержательном наполнении?

2. Столь же определенности и востребованной точности требует сам акт привлечения лица в качестве обвиняемого, отстаиваемый соискателем. Поясним. Согласно концепции, вынесенной к публичной защите, прокурор официально предъявляет публичное обвинение на заключительном этапе предварительного расследования – по окончании ознакомления всех заинтересованных лиц с материалами уголовного дела, оконченного расследованием (гл. 30 УПК РФ). Допустим, указанное оптимально; однако за рамками внимания соискателя, как минимум, остались следующие моменты:

Поскольку в новой (отстаиваемой) процедуре нет «места» нормам гл. 23 УПК РФ, следует полагать, что процессуальным актом оформления-предъявления обвинения выступает «следственный» вариант обвинительного заключения (на с. 132 работы автор настаивает на обязательности его составления следователем). Отсюда вопрос, вернее, вопросы:

– прокурор предъявляет уже **утвержденный** вариант данного акта – как обвинение государственное; как публичный иск-притязание обвинительной власти к суду о разрешении основного вопроса уголовного дела; или это сугубо следственный вариант обвинения (тезиса-утверждения), который еще не получил оценки и утверждения прокурора (обвинительной власти)?

– если это **именно утвержденный** вариант данного акта, какие именно вопросы будет решать прокурор, какие именно акты выносить по нормам гл. 31 УПК РФ (которая автором в исследовании оставлена вообще без внимания);

– если прокурор предъявляет **не утвержденное** («предварительное») обвинительное заключение, то в чем суть этого акта; если по нормам гл. 31 УПК РФ прокурор наделен правомочиями на возвращение уголовного дела в следственный орган, в том числе с указаниями об изменении формулы обвинения, квалификации содеянного, о пересоставлении данного акта?

Как следствие, возможно, применительно к отстаиваемой концепции, следует изменить момент и процедуру предъявления этого институционального процессуального акта; либо следует отказаться от норм гл. 31 УПК РФ?

3. Не разделяются нами суждения соискателя относительно понимания легальных (должных) оснований для вынесения акта о привлечении в качестве обвиняемого и официального его предъявления уголовно-преследуемому лицу.

Оценивая сугубо оценочную суть категории «достаточные данные», – как основания для вынесения этого акта, – автор утверждает: «К моменту вынесения постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого должны быть **доказаны все юридически значимые моменты, необходимые для квалификации, предусмотренные п. п. 1 - 2, 5 ч. 1 ст. 73 УПК** (выделено мной – *Н.К.*). Иные обстоятельства, указанные в ст. 73 УПК, могут быть установлены и на следующем этапе предварительного следствия» (с. 109).

Возразим соискателю. Категория «достаточные данные» неоднократно используется законодателем в нормах закона (ч. 1 ст. 97, ч. 2 ст. 140 УПК РФ) и, действительно, является сугубо оценочной категорией, относящейся к внутреннему убеждению того или иного управомоченного субъекта оценки. Как следствие, итоги этой субъективной оценки могут быть принципиально различны; поэтому, необходимы объективные критерии. Соискатель их, по идее, приводит, указывая на (обязательную) доказанность на этот момент обстоятельств, предусмотренных пп. 1-2, 5 ч. 1 ст. 73 УПК РФ.

Между тем, у законодателя, как представляется, несколько иные критерии-основания, и они приведены непосредственно в уголовно-процессуальном законе. Это предписания пункта 4 ч. 2 ст. 171 УПК РФ. Согласно последним субъект вынесения постановления о привлечении в

качестве обвиняемого императивно обязан привести в содержательной части указанного постановления: «описание преступления с указанием времени, места его совершения, а также иных обстоятельств, подлежащих доказыванию в соответствии с пунктами 1-4 части первой статьи настоящего Кодекса». Как видим, законодатель апеллирует к принципиально иным обстоятельствам, процессуальная доказанность которых объективирует основание и момент законного и обоснованного привлечения лица в качестве обвиняемого. З.Р. Таджибов отстаивает несколько иные подходы; что требует дополнительных пояснений к дискуссии.

Во-вторых, применительно к концепции автора, где актом привлечения лица в качестве обвиняемого объективировано **именно обвинительное заключение**, основания для вынесения этого акта, как представляется, должны быть принципиально отличны. На этот момент (окончания предварительного расследования, утверждения обвинительного заключения, направления обвинения и уголовного дела на разрешение в суд), на наш взгляд, должны быть однозначно доказаны уже не обстоятельства пп. 1-4 ч. 1 ст. 73 УПК РФ, а все без исключения обстоятельства, входящие в предмет доказывания по делу. Тем более что никакого дополнительного расследования (к которому апеллирует соискатель), по идее, уже не предвидится. В итоге, это качественно иная степень доказанности релевантно-значимых обстоятельств дела, качественно иной уровень искомой достаточности. Соискателю, как представляется, надо точнее определиться в этих исходных моментах.

4. Учитывая, что диссертационное исследование, по сути, является системным исследованием монографического характера, хотелось бы большей строгости и определенности в отдельных суждениях автора, которые несколько не согласуются между собой. К примеру:

на с. 19 работы соискатель пишет: «...тем самым законодатель даёт нам понять, что обвинение непосредственно связано с уголовным преследованием и является его частью». По идее, можно и должно согласиться; но на с. 32 автор

суммирует нечто иное: «На взгляд диссертанта считать «обвинение» некой составной частью «уголовного преследования», нецелесообразно»;

на с. 36 работы соискатель итожит: «Во время производства дознания в сокращенной форме привлечение в качестве обвиняемого не осуществляется». Согласимся, в рамках этой процессуальной формы акт привлечения в качестве обвиняемого, по букве главы 23 УПК РФ, отсутствует. Тем не менее, и по смыслу п. 3 ч. 1 ст. 47 УПК и по букве ст. 226.7 УПК РФ акт привлечения в качестве обвиняемого, однозначно, имеет место и при этой форме;

на с. 114 работы автор обосновывает, что обвинение «...надлежит выносить непосредственно перед началом финальной части предварительного следствия, предусмотренной гл. 30-31 УПК РФ». Возразим: нормы гл. 31 УПК РФ не являются заключительной частью предварительного расследования, ибо последнее на этот момент и юридически, и фактически уже окончено. Как следствие, в позициях Г.М. Миньковского, Н.П. Подольной, В.С. Зеленецкого, Н.Н. Ковтуна указанный этап процесса – самостоятельная, значимая стадия уголовного судопроизводства России, суть которой в утверждении (формировании) государственного обвинения – как притязания-иска к суду.

Высказанные замечания и возражения, как представляется, являются дискуссионными, оставляющими возможность для научной дискуссии и дальнейших исследований в этом перспективном научном направлении. На наш взгляд, они не снижают ни достаточно высокой оценки работы, которая (ранее) была высказана нами, не колеблют существенно те концептуальные итоги работы, которые последовательно отстаиваются автором.

Заключение. Диссертационное исследование Таджибова Зейнудина Рамазановича является законченной научно-квалификационной работой, в которой содержится новое решение научной задачи, связанной с точным пониманием сути, содержания, оптимальной процессуальной формы реализации центрального института уголовного судопроизводства России (института привлечения в качестве обвиняемого; гл. 23 УПК РФ), имеющей важное значение для развития науки российского уголовно-процессуального

права. Работа соответствует требованиям, предъявляемым к диссертациям на соискание ученой степени кандидата юридических наук, согласно п. 2.2 раздела II Положения о присуждении ученых степеней в федеральном государственном автономном образовательном учреждении высшего образования «Российский университет дружбы народов», утвержденного ученым советом РУДН протокол № УС-1 от 22.01.2024 г., а её автор, Таджибов Зейнудин Рамазанович заслуживает присуждения ученой степени кандидата юридических наук по специальности 5.1.4. – Уголовно-правовые науки (юридические науки).

Доктор юридических наук, профессор
профессор кафедры уголовного процесса

ФГКОУ ВО Нижегородской академии МВД РФ

«9» июня 2025 года

Н.Н. Ковтун

Официальный оппонент:

Ковтун Николай Николаевич

доктор юридических наук по специальности 12.00.09 – Уголовный процесс; криминалистика и судебная экспертиза; оперативно-розыскная деятельность. Ученое звание: профессор.

Место работы: Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Нижегородская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации».

Занимаемая должность: профессор кафедры уголовного процесса Федерального государственного казенного образовательного учреждения высшего образования «Нижегородская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации»

Адрес места работы: 603950, г. Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, 3. БОКС – 268; телефон: (831) 421-72-01; e-mail: kovtunnov@mail.ru; na@mvd.ru; сайт: www.na.mvd.ru

